

Валерин день

открылась выставка Валерия Бабина

II СЕРГЕЙ САФОНОВ

В залах Московского союза художников на Кузнецком Мосту открылась выставка живописи и графики Валерия Бабина — московского художника с уральскими корнями, сегодня больше ощущающего себя живописцем, чем графиком.

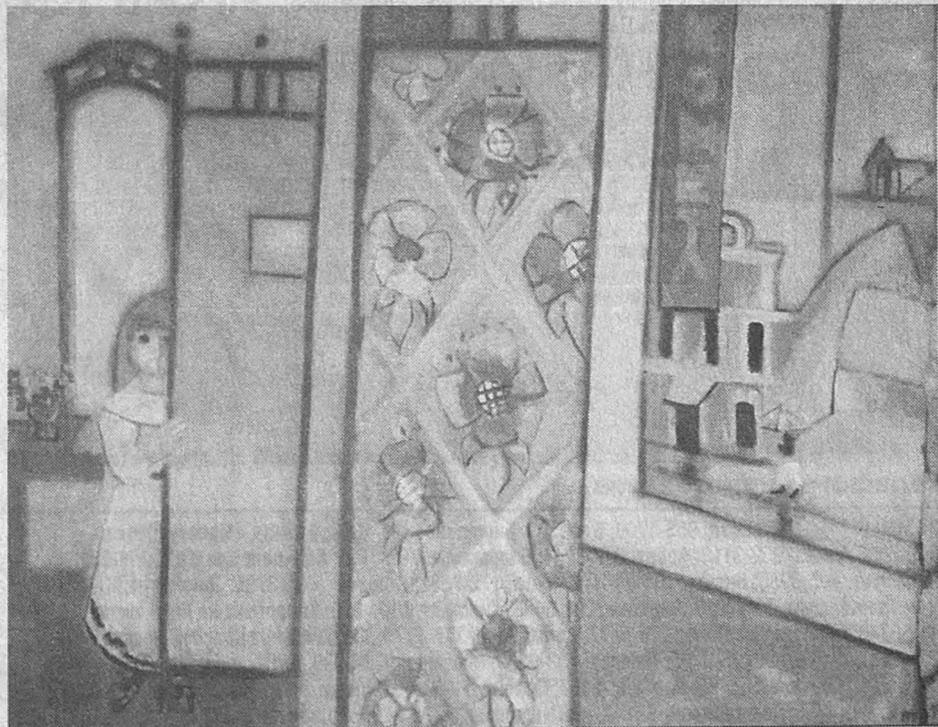
В последние годы в знаменитый праздник российского студенчества Татьянин день случались только вернисажи Татьяны Назаренко. Теперь же на 25 января пришелся настоящий фестиваль — будто в столице помимо основной и параллельной программ Первой Московской биеннале, посвященных преимущественно видео-арту и цифровому искусству, осуществляется и некая перпендикулярная выставочная программа, составленная мастерами искусства станкового. Судите сами: Наталья Нестерова — в Третьяковке. Владимир Брайнин — в галерее «Кино», Валентина Куцевич — в Культурном центре Украины на Арбате, Валерий Бабин — в зале на Кузнецком Мосту, 20. Но выставки эти совпали стихийно и на самом деле никакого отношения друг к другу не имеют. Что жаль: в сумме они едва ли не более обстоятельно описывают реальную картину московского искусства, чем биеннальные «Гендерные волнения» или «Россия-2».

Доводилось уже рассказывать о недавней выставке Бабина в московской резиденции главы представительства Европейской комиссии, — сожалая при этом о недоступности ноябрьской экспозиции для так называемого простого зрителя. Теперь ошибка исправлена: в зал МСХ может попасть любой желающий. Художник верен себе — он и здесь показывает живопись последних лет, пронизанную воспоминаниями об уральских впечатлениях детства и молодости; к тому же экспозицию дополняют графические работы Бабина. Напомню биографию автора выставки. Он родился под Свердловском, в городке Березовский. Учился сначала в местном художественном училище, впоследствии перебрался в столицу. Закончил Полиграфический институт, познакомился с Евгением Расторгуевым — ярким представителем той художественной тенденции, которую принято именовать «левый МОСХ», имея в виду ее оппозиционность казенному соцреализму

и в то же время мирное сосуществование с его представителями в пространстве общего творческого союза (впрочем, весь московский союз в общероссийской иерархии традиционно воспринимался как достаточно свободолюбивый). Пластические идеи и мировоззрение Расторгуева сказались на художественном языке Бабина, не подавив при этом индивидуальности. В результате возникла живопись больших цветowych плоскостей, а не крашенная широким флейцем, а вибрирующая внутри каждого куска, при всей декоративности цвета опирающаяся на лаконичный и внятный рисунок.

Несколько залов отдано графике. Черно-белые рисунки лишь фрагментарно тронуты цветом: здесь — высокая труба желтеет в монохромном пейзаже, там — рыжий, насквозь проржавевший сарай. Дачные хибары, перевернутые лодки на берегу, зеленые калитки и сиреневые небеса. Ясная структура изображения заставляет становиться пространством

и цветом даже те уголки бумажного листа, где ничего вроде и не нарисовано. Не только загородные пейзажи и интерьеры «позировали» художнику: жена и дочь также оказались превосходными моделями в работах последних лет — неважно, угольных, карандашных или пастельных. Еще зал — камерные натюрморты. На подиуме в мастерской Бабин бесконечно перекладывает раковины, склянки, коробочки, драпировки и пишет их маслом на картоне, вновь и вновь опровергая расхожие представления о противоречиях между фигуративным и абстрактным искусством. Потому что главная обязанность каждого из этих узнаваемых предметов — просто стать темным, или светлым, или продолговатым пятном в пространстве изображения. Без всякой назидательности и символического значения, не хуже, чем у Моранди. Лишь несколько натюрмортов 1995 года — своего рода хроника жизни игрушечной лодки. Но это другая (и, кажется, уже завершившаяся) история.

Графическая ясность — основа живописных работ Валерия Бабина (Гравюра. 1994)